

- 73

ХР

одское Центральное О-во Сельск. Хоз.

oooooooooooooooooooooooooooo

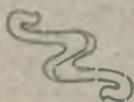
334

н - 73

РЭВИИ.

Н. А. Новиковъ.

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ
ДЛЯ КООПЕРАТИВНОГО РАБОТНИКА
И ЕГО МЕСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

Цена 1 р. 50 к.

ВОЛОГДА.

Типография „Северосоюза“
1919.

9/172) 10/11)

334 ~~А~~-73

Вологодское Центральное Общество Сельск. Хоз.

К. А. Новиковъ.

3914
~~3914~~
ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ
— для —
КООПЕРАТИВНОГО РАБОТНИКА
— и —
ЕЯ МѢСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

ВОЛОГДА.

Тип. Союза Кооперативовъ Сѣвернаго Края.
1918.

$\frac{334}{4 \cdot 73} + 13 - 68 + 91$ (c124)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ 1917 года въ волоюдскихъ кооперативныхъ кругахъ большую популярность пріобрѣла идея созданія Высшей Крестьянской Школы. Съ осени тою же года труппа работниковъ Волоюдскаго Центральнаго Общества Сельского Хозяйства приступила къ практической разработкѣ этой идеи. Сложность и ответственность поставленныхъ предъ собой педагогическихъ задачъ, съ одной стороны, полное отсутствие руководящихъ материаловъ и сколько-нибудь установившихся методовъ подхода къ народной аудитории—съ другой, заставили Лекторское Бюро Общества идти ощупью, длительнымъ путемъ постановки соответствующихъ опытовъ.

Съ этой цѣлью въ 1917—1918 учебномъ году Лекторскимъ Бюро былъ устроенъ рядъ курсовъ, разнавшихся между собою, какъ по задачамъ, такъ и по программамъ, и по продолжительности, и по составу аудиторіи. Въ ряду этихъ курсовъ центральное мѣсто заняли трех-месячные курсы для подготовки участковыхъ инструкторовъ по коопераціи. Программа курсовъ включала въ себя, наряду со специальными предметами, цѣлый рядъ общеобразовательныхъ дисциплинъ, въ томъ числѣ—русскую исторію.

Составъ аудиторіи характеризовался преобладаніемъ передовой крестьянской молодежи, уже знакомой съ коопераціей и обладающей известнымъ общимъ развитиемъ. Сообразно съ стоявшей передъ руководителями курсовъ задачей созданія общественныхъ ра-

ботниковъ изъ среды мѣстныхъ, коренныхъ людей, преподаваніе было построено подъ угломъ господства мѣстныхъ интересовъ, мѣстной жизни, мѣстныхъ потребностей.

Автору настоящихъ строкъ пришлось взять на себя иченіе курса русской истории. При построеніи своею курса онъ за отправную точку принялъ мѣстную, волоюдскую жизнь и попытался нарисовать картину постепеннаю развитія жизни русскаго народа, оперируя по преимуществу съ мѣстнымъ материаломъ. Настоящая брошюра является записью вступительной лекціи этою курса.

Сознавая вѣсъ недостатки своей работы, авторъ тѣмъ не менѣе счелъ себя вѣ правъ сдѣлать ее достояніемъ печати, вѣ надеждѣ на то, что она можетъ явиться для товарищѣй по работе вѣ области народнаго образованія не лишеннымъ интереса материаломъ, какъ одна изъ попытокъ приблизить научные вопросы къ пониманію широкихъ слоевъ населения.

Испытавший вѣ полрѣ всю трудность выработки педагогическихъ пріемовъ, отвѣчающихъ даннымъ условіямъ, авторъ призналъ себя обязаннѣмъ дать хотя бы частичный отчетъ вѣ своихъ опытахъ тѣмъ общественнымъ кругамъ, которые ведутъ работу приблизительно вѣ томъ же направлении. По ею глубокому убѣждению, рациональные методы работы во взрослой народной аудиторіи могутъ быть созданы единственно на основѣ коллектива опыта; вѣ этомъ смыслѣ важно знакомство даже съ чужими ошибками.

Стремленіемъ внести посильную лепту вѣ эту общую работу и вызвано появленіе вѣ свѣтѣ настоящей брошюры.

Авторъ.

Значеніе історії для кооперативного робочого и єя мѣстные источники.

Древняя лѣтопись гласить, что когда Владіміръ Красное Солнышко задумалъ отступиться отъ языческихъ боговъ и избрать себѣ новую вѣру, приходили къ нему Болгари вѣры Магометовой («Серебряные»), Жиды Козарскіе, Нѣмцы, Греческіе философы, и восхваляли каждый свое ученіе. Такъ, господа, и мы передъ вами, ищущими новой вѣры, нового пониманія жизни, выступаемъ вслѣдъ со своимъ предметомъ, со своей наукой, настойчиво обращаемъ на нихъ ваше настороженное вниманіе и призываемъ проникнуться важностью, значительностью, необходимостью той или иной области знанія.

На мою долю выпало ознакомить васъ съ русской исторіей, и я, новоявленный болгаринъ или хозарь, считаю своимъ долгомъ склонить ваши сердца въ сторону исторического изученія, посильно раскрыть передъ вами его значеніе и доказать необходимость знанія родной исторії для всякаго человѣка, готовящагося къ общественной дѣятельности, собирающагося стать учителемъ (ибо инструкторъ прежде всего—учитель); учителемъ того самаго народа, знакомство съ прошлымъ котораго составляетъ предметъ моего курса.

Я считаю себя вынужденнымъ прежде всего отвѣтить на тотъ вопросъ, который такъ легко можетъ возникнуть у васъ—кооператоровъ въ прошломъ и будущемъ—на вопросъ о томъ, зачѣмъ въ программу кур-

серь мы включили историю—науку, ничего общего съ избираемой вами специальностью не имеющую. Для чего вамъ, кооператорамъ, необходимо знакомство съ историей?

Мы, господа, всегда смотрѣли на инструктора по кооперации, какъ на общественного дѣятеля. Его профессія, специальность съ нашей точки зренія есть ничто иное, какъ методъ, съ помощью которого онъ можетъ проявить въ жизни свое общественное лицо, использовать свои силы въ области общественного творчества. Исходя изъ такого пониманія роли инструктора, мы естественно выдвигаемъ на первый планъ его общее развитіе, почему и на курсахъ нашихъ отведено столь значительное мѣсто общеобразовательнымъ предметамъ. И вопросъ о томъ, для чего исторію нужно знать инструктору по кооперации, самъ собой вырастаетъ до размѣровъ вопроса—для чего исторію нужно знать всякому человѣку, стремящемуся получить общее образованіе.

Исторія (греческое «повѣствованіе»)—наука о томъ, какъ люди жили на землѣ съ первобытныхъ временъ, какъ они, постепенно развиваясь, дошли до своего современного состоянія—должна занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ наукъ, служащихъ цѣлямъ общаго развитія.

Прежде всего, она учитъ насъ понимать настоящее. Знаніе прошлаго всегда—ключъ къ уразумѣнію современности. Возьмите въ примѣръ самихъ себя, свою будущую работу: инструкторъ, прѣѣзжая въ кооперативъ и желая уяснить себѣ то, что происходитъ въ немъ въ настоящее время, можетъ получить вполнѣ ясную, отчетливую картину только тогда, когда онъ познакомится съ прошлымъ кооператива, съ его исторіей. Безъ знанія исторіи онъ—безпомощный, растерянный слѣпецъ.

Равнымъ образомъ, исторія даетъ намъ надежный фундаментъ для созиданія будущаго. Вѣдь тотъ же инструкторъ, вынужденный дать въ свое м кооперативъ указанія о томъ, какъ слѣдуетъ вести дѣла на будущее время, можетъ сдѣлать это съ чистой душой, сознательно, безъ колебаній и сомнѣній, только въ томъ случаѣ, если онъ хорошо знаетъ всю подноготную кооператива, если онъ обстоятельно разобрался въ его исторіи. Иначе онъ—шарлатанъ, лжепророкъ, злоупотребляющій левѣдѣніемъ довѣрчивыхъ простецовъ.

Исторія воспитываетъ въ насъ гражданскія чувства, заставляетъ насъ сознавать себя частью общественного цѣлаго. Знакомство съ ней даетъ намъ возможность определить свою роль въ томъ сложномъ процессѣ, который называется жизнью, побуждая принять на свои плечи бремя общественныхъ обязанностей. Ибо, не зная исторіи, мы слишкомъ склонны ставить себя въ центръ мірозданія, видѣть въ себѣ альфу и омегу бытія, почитать себя «пупомъ земли», созданнымъ для того, чтобы братъ, и только братъ, дары жизни. Келья Пимена — прекрасный рецептъ противъ себялюбиваго, заносчика эгоизма.

Изучая исторію, мы научаемся любить народъ. Онъ перестаетъ казаться намъ холоднымъ, загадочнымъ сфинксомъ; прошлые судьбы людей, ихъ страданія и борьба, ихъ паденія и взлеты приближаютъ насъ къ намъ, заставляютъ наши сердца биться въ унисонъ съ сердцемъ народа (въ исторіи всегда—страдальца), пробуждаютъ въ насъ чувство горячей симпатіи и сочувствія къ нему. Припомните хотя бы Дездемону, которая «за муки полюбила» своего ревниваго Мавра.

Есть еще одно пріобрѣтеніе, которое доставляетъ намъ знакомство съ исторіей: даль вѣковъ, какъ и вся-

кая даль, «манить» насъ, пробуждая фантазію и давая пищу чувству прекраснаго.

Пройдитесь тихимъ лѣтнимъ вечеромъ по-надъ Кубенскимъ озеромъ, въ виду Спаса-Каменного, Святой Луки, Василія Великаго на Ёдеѣ, всмотритесь въ эти безчисленные села и погосты, что раскинулись по невысокимъ его берегамъ, живо хранящимъ воспоминанія о новгородскихъ ушкуйникахъ, прислушайтесь къ устюжскимъ звонамъ, вздохните ароматомъ липового парка въ «дворянскомъ гнѣздѣ», гдѣ-нибудь на Комель—вы живо ощутите обаяніе минувшаго, какую-то неясную тоску, и боль, и смутную радость. Вѣдь въ каждомъ изъ насъ живутъ эти романтическія струны, и старинѣ данъ волшебный даръ пробуждать ихъ время отъ времени, отрывать помыслы наши отъ злобы дня, отъ всего, что гнететь и тревожитъ въ настоящемъ.

Я долженъ былъ бы въ заключеніе упомянуть о самой, пожалуй, главной цѣнности историческаго изученія—о значеніи исторіи, какъ науки, дисциплинирующей мысль, пріучающей умъ къ научному мышленію, но, предчувствуя полную несостоятельность моего курса въ этомъ отношеніи, предпочитаю обратиться къ не столь для меня щекотливымъ предметамъ.

Я чувствую, что мои призывы къ изученію исторіи должны натолкнуться на глухой, безсознательный, быть можетъ, протестъ съ вашей стороны. И я не ошибусь, если формулирую смыслъ этого протеста такъ: развѣ не достаточно сидѣли мы надъ зубрежкой исторіи на школы-ной скамейкѣ, развѣ мало было связано съ ея изученiemъ горя и униженій, начиная отъ чрезмѣрного утомленія и кончая единицами, безобѣдами и стояніемъ на «дресвѣ»? Для чего же теперь, когда все это—уже пройденная ступень, вновь переживать то же тягостное опу-

щеніе томительной тоски и скуки, которое съ дѣтскихъ лѣтъ связано у насть съ самыи словомъ «исторія»? Исторія, это—мучительное напряженіе памяти; это—рядъ цифръ и именъ, трудно усвояемыхъ и ничего не говорящихъ ни уму, ни сердцу; это—какое-то море безсвязныхъ, изолированныхъ фактovъ, вызубрить которые—удѣль немногихъ избранныхъ, и въ которыхъ неизбѣжно суждено захлебнуться всякому, кто не является обладателемъ семипядинного лба. И если въ маломъ возрастѣ претерпѣть бичи и скорпионы исторической учебы было еще сполагоря, то теперь, когда вы—с совсѣмъ взрослые люди, когда у многихъ изъ васъ есть дѣти, въ свою очередь терзаемыя терніями школьнай премудрости—теперь для васъ возвращеніе на школьнную скамью, родную сестру скамьи подсудимыхъ, должно казаться сугубымъ, ничѣмъ не оправдываемымъ испытаниемъ. Корень ученія всегда горекъ; но во сколько разъ онъ горше, когда приходится отвѣдывать его послѣ вкушения сладкихъ плодовъ! И развѣ не справедливо изреченіе, что отвѣдавшій сладкаго—горькаго не захочеть!

Мнѣ очень понятно это настроеніе; вѣдь я и самъ прошелъ черезъ то же игольное ушко школьнай науки, и самъ въ полной мѣрѣ испыталъ ея изсушающее, притупляющее вліяніе. Еще и теперь, когда я, казалось бы, долженъ быть основательно отряхнуть школьній прахъ отъ ногъ своихъ, я вдругъ временами ощущаю въ своей памяти присутствіе какихъ-то Сарданапаловъ и Ассурбанипаловъ, безсмысленныхъ хронологическихъ дать и именъ, которыя завязли въ головѣ торчкомъ, никчемно, безъ надобности и оправданій. Много полезнаго и важнаго успѣль я забыть, многое существенно необходимое навсегда вывѣтрилось изъ моей памяти, но и умирая, я, вѣроятно, безъ запинки отвѣчу, что уходъ

плебеевъ на Священную гору произошелъ въ 494 году до Р. Х., а Александръ Македонскій появился на Божій свѣтъ въ ту самую ночь, когда отъ руки безумца Герострата сгорѣлъ храмъ Діаны Эфесской—одно изъ семи чудесъ древняго міра.

Курсъ исторіи, который я имѣю въ виду предложиь вашему вниманію, будетъ очень далекъ отъ того, какимъ васъ пичкала школа. Вы уже достаточно отравлены Иловайскими, Беллярминовыми и иными фабрикантами казенной науки; моя задача—дать вамъ противоядіе, показать, что суть исторіи—не въ битвахъ и царствованіяхъ, а въ жизни всего народа, въ его послѣдовательномъ развитіи и ростѣ.

Часто, проходя чащами Тотемскихъ или Грязовецкихъ лѣсовъ, вы, къ изумленію своему, натыкаетесь на обомшѣлые борозды—слѣды стародавней пахоты. Это—памятники подсѣчного хозяйства, старинной формы полевой культуры на нашемъ лѣсномъ сѣверѣ. Въ медвѣжьихъ углахъ Кадниковскаго уѣзда вы встрѣтите до сихъ поръ коптящую лучину, въ той же Тотымѣ берестяные «чертопинальники», гдѣ-нибудь въ Никольскѣй домотканый «шабуръ»—наслѣдіе натуральной системы, при которой крестьянинъ самъ производилъ все, что необходимо для удовлетворенія его хозяйственныхъ потребностей. Развѣ не интересно, не важно знать, какъ нашъ народъ отъ этихъ первичныхъ формъ хозяйствованія перешель къ теперешнимъ—сложнымъ и многообразнымъ? А вѣдь изученіе постепенного развитія хозяйственныхъ формъ составляетъ одно изъ отвѣтвлений исторической науки.

На Кубенскомъ озерѣ бокъ-о-бокъ стоять два селенія: одно съ чисто-русскимъ названіемъ—Устье Кубен-

ское, другое съ совсѣмъ чуждымъ нашему слуху—Лахмукорье. Жители этихъ селеній, хотя и обитаютъ совсѣмъ рядышкомъ—имѣютъ большія отличія въ характерѣ, въ обычаяхъ. Очевидно, они—чужаки.

Въ Тимошинской волости, Сольвычегодского у., ста-
рушки и до сихъ порь запугиваютъ внучатъ какой-то
чудью—чуть закапризничаетъ ребенокъ, сейчасъ его
чудью и припугнуть. И какой-нибудь дѣдушка Олешенька,
собравъ вокругъ себя въ овинѣ ребятишекъ, обязательно
расскажетъ имъ страховинную бывальщину. «Лѣтъ-де
за 300-400 въ нашемъ мѣстѣ никто не жилъ, наша
волость заселена изъ Ерги и изъ Заболотья. А здѣсь
жила чудь. Жила она на городищѣ, гдѣ сейчасъ по-
строена часовня Иоанна Предтечи. Чудь была вредна
для народа—у женщинъ она вскрывала груди, дѣтей
заѣдала на смерть. Многіе пытались ее уничтожить, но
она заговоривалась, и тошнь ее не бралъ. Потомъ
какой-то солдатъ пріѣхалъ со службы на побывку; у
него было оружіе, такъ называемый мечъ. Забрался онъ
къ этой чуди въ избу и легъ подъ лавку. Чудь ходила
за добычей. Пришла, ничего не замѣтила, и легла на
шестокъ отдохнуть. Солдатъ всталъ изъ-подъ лавки и
отрубилъ ей голову. Голова упала на полъ и заговорила:
«во-де, во-де», а тулово ходило по комнатѣ и махало
руками. Потомъ, какъ узнали, что чудь уничтожена сол-
датомъ, стали пріѣзжать изъ разныхъ селеній—Ерги,
Заболотья, изъ Ягрышской стороны. Мѣстность оказа-
лась удобная для населенія, на самомъ угорѣ—вотъ
уже теперь населилось около 500 домохозяевъ».

Вы видите, что нашъ край изстари былъ обитали-
щемъ другихъ какихъ-то племенъ, этой таинственной
чуди, слѣды существованія которой сохранили намъ
непонятныя названія селеній и рѣкъ; мы съ вами—

пришельцы. А развѣ пришельцу не интересно знать, кто до него хохайничалъ? И развѣ исторія не поможетъ намъ отвѣтить на эти вопросы?

Деревня Пищалино, Гаврильцевской волости принадлежала Спасо-Каменному монастырю; село Мироносицы до сихъ поръ слыветъ Чернавциной по имени барина Черняева, во владѣніи которого оно находилось; лучшіе дома въ Устюгѣ строены, говорять, купеческими крѣпостными. Какъ все это произошло? Откуда появились «господа», купцы, монастыри-землевладѣльцы, крѣпостные, какимъ путемъ одна часть людей оказалась во власти другой, что привело къ имущественному и правовому неравенству? Изслѣдованіе этихъ вопросовъ, вопросовъ развитія соціальныхъ (общественныхъ) отношеній—принадлежитъ вѣдѣнію исторической науки.

Въ Родюкинской волости, Никольского у., при переходѣ на новоселье, хозяйка съ хлѣбомъ-солью идетъ на старое пепелище и кличетъ «сосѣдушка-проходушка» перебраться въ новый домъ.

Въ Кипшенгской волости (того же уѣзда) при потерѣ въ лѣтнее время домашняго животнаго въ лѣсь несуть четвертку махорки и кладутъ на распутьи, чтобы задобрить «лѣсного дѣдушку», который завладѣлъ животнымъ. Въ Подболотной волости вы встрѣтите стариковъ, у которыхъ длинные волосы на головѣ завиты въ «плетни». «Сусѣдко заплелъ ихъ, расчесывать нельзя, не то—осердится».

Это все—«обломки древней правды», старой языческой вѣры. Когда и какъ отъ нея перешли мы къ вѣрѣ въ Бога Саваоѳа, къ теперешнимъ своимъ религіознымъ представленіямъ? Обратитесь къ исторіи—она расскажетъ.

Заберитесь въ жерноковскую Слободу, и я ручаюсь, что вы испытаете минуту легкаго конфузя: прямо середь

улицы стоять кладовая, на дверяхъ которой намалеваны нелѣпѣйшія двѣ фигуры съ растопыренными руками и ногами; а когда вы, любопытствуя, подойдете поближе, вы безъ труда прочитаете прековарную подпись: «два дурака дерутся, а третій смотрить».

Къ востоку отъ полотна Архангельской жел. дороги, пересѣкающей Кадниковскій уѣздъ, вы можете безко- нечно любоваться затѣйливой рѣзьбой на „пятистѣн- кахъ“; „упущенный передокъ“ обычно сведенъ въ „арку“, съ полемъ, выложеннымъ разноцвѣтными звѣздами, кре- стиками, квадратами. Иногда изъ этихъ фигуръ состав- ляется фамилія домохозяина, либо плотника, маляра, кровельщика, потрудившихся надъ постройкой. А то вдругъ взору вашему предстанеть „рутожелтый“ левъ съ головой—луной и хвостомъ, напоминающимъ обѣ апокалиптическихъ пророчествахъ. Самое замухрышча- тое „втулошное“, „волоковое“ окошечко—и то старатель- но обрамлено рѣзными либо расписными налич- никами.

Вѣдь все это—продуктъ художественного творчества, стремленія удовлетворить чувству прекраснаго. И оно въ народной жизни—всюду: и въ нескладной уточѣ- флюгаркѣ, меланхолически вертящейся надъ курной избой, и въ кокетливой оборкѣ на расшитой дѣвичьей сорочкѣ, и въ изломахъ покосившейся ветхой церковки, и въ долбленомъ пивномъ „скобкарѣ“, и въ старатель- номъ наборѣ „баркунцовъ-подгарковъ“ на праздничной конской сбруї, и въ причетахъ просватанной дѣвушки, собирающейся уходить со родимой со сторонушки во проклятое замужьице“, гдѣ

Три поля горя насьяно,
Да все слезами исполивано,
Кручиной да огорожено.

Прослѣдить, въ какія формы отливались понятія народа о прекрасномъ, какъ мы постепенно отъ того же причета или былины восходили къ Пушкину, а отъ грубоватой росписи домовыхъ стѣнъ и печекъ къ Айвазовскому, Рѣпину, Верещагину—это ли не интересно, это ли не существенно? И опять-таки эта задача—задача исторической науки.

Побывайте на любомъ сельскомъ сходѣ, на любомъ общественномъ сборищѣ—въ артели или потребилкѣ, въ особенности, когда обсуждаемый вопросъ крѣпко затрагиваетъ интересы части присутствующихъ—вы сквозь хрупкую корку современныхъ привычекъ и взглядовъ безъ труда разглядите лицо старославянского вѣча—изначальной формы политической организації, усвоенной нашими предками. Отъ вѣча къ демократической республикѣ—какой размахъ! И какое глубокое основаніе въ особенности теперь живо интересоваться исторіей нашихъ политическихъ учрежденій, смѣняемыхъ нами съ такой подозрительной легкостью и быстротой!

Въ глухой Оночиستи у богатаго мужика умираль ребенокъ. Двѣ недѣли подрядъ, дни и ночи крикомъ кричалъ онъ, не давая уснуть никому изъ живущихъ въ домѣ, а отецъ, угрюмый, кряжистый стариkъ, на всѣ просьбы домашнихъ отвезти ребенка въ больницу, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ: дорога худая, а лошадь не кована—еще испортишь. Намъ съ вами, признающимъ, что человѣческая личность есть самая большая, не имѣющая соперниковъ, цѣнность—подобный взглядъ неминуемо долженъ показаться грубымъ, дикимъ, неестественнымъ. А между тѣмъ оночистенскій мужикъ—далеко не исключение, не выродокъ; напротивъ, онъ довольно полно и вѣрно отразилъ въ себѣ старинный

нравственный возврѣнія русскаго человѣка. Эти возврѣнія замѣнились или замѣняются другими; историческая наука и стремится изучить эти измѣненія, выяснить, въ какую сторону направлено развитіе нравственныхъ понятій русскаго народа, какие въ этомъ отношеніи этапы имъ пройдены, какие идеалы созданы.

Колдунья—тета въ Оларевской волости, въ жарко-натопленной „зимовкѣ“ со стѣнами, увѣшанными „душникомъ“ и другими цѣлебными травами, угощая меня „бутылочными“ рыжиками и отборной заговоренной клюквой, рассказала мнѣ старую сказку о трехъ китахъ, на которыхъ уставлена наша земля. Эти киты—одна изъ попытокъ народа осмыслить явленія міра, получить точное о нихъ знаніе, создать науку о природѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ предки наши водрузили землю на китовый фундаментъ, много воды утекло. И теперешняя наука уже перестала въ немъ нуждаться. Она выросла, развилась, обогатилась. Когда, какъ, чѣмъ?—Исторія дастъ вамъ на эти вопросы полный и точный отвѣтъ.

Есть въ Грязовецкомъ уѣздѣ любопытный уголокъ—Лискій Волокъ. Частенько, особенно праздничной порой, вы можете наткнуться тамъ на поучительную картину: „ребята гуляютъ“. Съ гикомъ, съ гакомъ, ухарски за-ломивъ на бекренъ картузы или шапки, въ щегольскихъ сапогахъ и цвѣтныхъ кричащихъ рубашкахъ съ шелковыми кистями поясовъ, бродятъ эти оравы изъ деревни въ деревню, изъ села въ село. Дѣвицы, завидя ихъ, млѣютъ, прохожій человѣкъ пугливо жмется къ сторонкѣ, а старуха-старовѣрка озлобленно отплевывается, печа-ляясь о судьбахъ человѣчества, прелестями антихристо-выми плѣненнаго.

И всегда одна и та же неизбежная гармошка, съ единственнымъ „отвори-затвори“ въ репертуарѣ, и все туть же дикий молодеческий присвистъ, и уханье, и безшабашные, раздирательные куплетцы:

Мы ребята—ежики,
По карманамъ ножики.

Ножикъ этотъ сплошь и рядомъ появляется на сцену при сведеніи счетовъ и взаимныхъ неудовольствіяхъ. Онъ—основа права, онъ—наиболѣе сильное изъ средствъ убѣжденія. „Око за око“ царить здѣсь совершенно полноценно. И старшіе не находятъ въ этомъ ничего предосудительнаго: наоборотъ, поднятый ножъ свидѣтельствуетъ въ ихъ глазахъ о „бойкости“ молодца, вызываетъ своеобразное любование и уваженіе. Право силы ни въ комъ не возбуждаетъ сомнѣній. Доведись—за ножи возьмутся и сами мужики.

Попробуйте, посадите горохъ около дороги—вы не оберетесь хлопотъ и огорченій. Каждый прохожій сочтетъ своей пріятной обязанностью пощипать его въ мѣру аппетита. И никто этого не осудить, никто въ этомъ не увидитъ даже подобія преступленія. А, между тѣмъ, этотъ же самый прохожій готовъ чистосердечно возмущаться, когда услышитъ, что проворный мальчишка утянулся изъ кармана у базарного ротозѣя ломаный, вытертый грошъ. Отчего это такъ? Вѣдь законъ одинаково смотритъ и на щипаніе гороха, и на присвоеніе гроша.

Законъ, а не народъ. У народа свои воззрѣнія на право—воззрѣнія, создавшіяся раньше закона и очень часто съ нимъ совершенно не схожія. Они возникали и развивались подъ очень разнообразными вліяніями, и исторія измѣненія правовыхъ воззрѣній народа для насъ не можетъ остаться безразличной.

Я сознательно остановилъ ваше вниманіе на этомъ рядѣ наудачу выбранныхъ фактовъ, чтобы помочь вамъ составить себѣ болѣе ясное представленіе о задачахъ исторіи. Мы должны признать, что виѣшними событиями, надъ которыми чахли мы въ школѣ, далеко не исчерпывается содержаніе исторіи; напротивъ, на первомъ планѣ ея стоять явленія внутренней, культурной жизни народа, въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Хозяйственный бытъ, составъ населенія, соціальные отношенія, религія, искусство, политическія учрежденія, нравственность, наука, право, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи и измѣненіи—вотъ что должно привлекать вниманіе историка, вотъ въ чемъ заключается центръ его интересовъ и устремленій.

Къ этому мы и должны теперь обратиться.

Первый вопросъ, который рождается у насъ при подходѣ къ сложному зданію исторической науки, это—вопросъ о томъ, откуда добывается материалъ для его постройки, изъ какихъ источниковъ получаетъ исторія необходимые ей свѣдѣнія и факты. Вопросъ этотъ—не праздный, въ особенности для насъ, русскихъ людей, которые своимъ прошлымъ интересоваться положительно не умѣютъ и которые—разрушители по натурѣ—съ легкимъ сердцемъ проходятъ мимо этого материала, не замѣчая его, и въ блаженномъ невѣдѣніи предаютъ его самому варварскому, беспощадному истребленію.

Источники исторического знанія весьма разнообразны, какъ разнообразна и сама породившая ихъ жизнь народная. Обычно принято раздѣлять ихъ на три основные группы: источники письменные, вещественные и устные. Попробуемъ нѣсколько ближе познакомиться съ ними; начнемъ съ письменныхъ.

Громадную услугу исторической наукѣ оказываютъ такъ называемыя лѣтописи; для историковъ онѣ—сущій кладъ; не будь ихъ, мы бы не знали о прошломъ нашего народа и половины того, что намъ извѣстно теперь.

Поздняя осень. По дорогамъ непролазная грязь. Сѣрое, хмурое небо. Дождь, вѣтеръ, холодъ. Унылыя пожни, голыя поля. Нигдѣ ни души человѣческой. Посреди деревушки остановилась понурая лошадка; лохматый, диковатаго вида монахъ, привычной ногой ступая по разлившимся лужамъ, бродить отъ избы къ избѣ, постукивая суковатымъ вересовымъ посохомъ въ оконце, и осипшимъ голосомъ нараспѣвъ выводитъ жалобную просьбу—подать «нови, сѣнца лошадкѣ на иропитаніе, во имя святыхъ угодниковъ». Это—изъ монастыря, сборщикъ милостыни.

Попытайтесь подсчитать, сколько проходитъ ихъ за годъ черезъ каждую деревню, и вы будете прямо изумлены. Вотъ Токарево, Оларевской волости. Не говоря уже о мѣстномъ причтѣ, собирающемъ подаяніе девять разъ въ году, оно одѣляетъ своимъ хлѣбомъ и «перепечемъ», овсомъ и сѣномъ—и Семигородній Кадниковскаго уѣзда монастырь, и Лопотовъ, и Глушицкій, съ его сосѣдомъ—Покровскимъ. Прилуцкій, Духовъ, Дѣвичій, Павла Коломенскаго, Корнильевъ, Исааковская пустынь, Горицы, Заіоникіево, Сяма, Спасъ-Каменный, Александровская пустынь—всѣ они пытаются отъ щедротъ токаревскаго мужика, при чемъ иные, не ограничиваясь сборомъ очередной милостыни, устраиваютъ специальная хожденія съ иконой, а какой-нибудь Дѣвичій Вологодскій монастырь производить сборы въ особицу на три приданья—Николая Чудотворца, Сергія Радонежскаго, Троицы.

Мужикъ крахтиль, сердится, ругаетъ монаховъ дармѣдами; а посильную милостыню подаетъ имъ безъ отказа. Таєъ повелось издавна, и теперешнія дани являются живымъ свидѣтельствомъ того, что когда-то между монастыремъ и деревней существовали иные, чѣмъ нынѣ, болѣе тѣсныя и близкія связи.

Такъ оно и было. Древне-русскій монастырь, возникавшій обычно среди непроходимыхъ топей и дремучихъ вѣковѣчныхъ лѣсовъ, не могъ не быть въ глазахъ сѣвернаго жителя своего рода культурнымъ центромъ, откуда къ нему исходили не совсѣмъ привычные вѣянія и взглѣды.

Пути спасенія многообразны. Иные изъ пустынно-жителей принимали на себя подвигъ изнуренія плоти, поста и бодрствованія, иные сносили сугубые труды, рабочеструя съ лѣсными зарослями и пнищами, иные уходили въ затворъ, впадали въ Христа-ради юродство. Были и такие, всѣ помыслы которыхъ сосредоточивались на священномъ писаніи, на чтеніи и переписываніи богодохновенныхъ книгъ.

И вотъ случалось, что тотъ или иной изъ братіи—человѣкъ, въ книжномъ почитаніи искусшенній—начиналъ вести погоднюю—«по лѣтамъ»—запись обо всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ событияхъ и явленіяхъ,

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу.

Содержаніе лѣтописей, которая, помимо монастырей, велась и при нѣкоторыхъ церквяхъ и просто охочими людьми изъ грамотѣвъ, касается самыхъ разнородныхъ предметовъ. Нашествіе непріятеля, гладъ, трусь, потопъ, моровая язва, знаменія небесныя, храмозиждительство, кончина замѣчательныхъ людей—все въ равной мѣрѣ привлекаетъ вниманіе лѣтописца. Иногда онъ пускается

въ пространныя разсужденія, а больше всего рассказывается попросту, «не мудрствуя лукаво»: въ лѣто отъ Рождества Христова 1549 «Божиимъ попущеніемъ, а совѣтомъ діавольскимъ, въ бытность намѣстникомъ на Устюгѣ Михаила Щенятева, смутившеся людіе града Устюга Великаго, возстали другъ на друга и много, домовъ разграбили, многихъ и человѣкъ смерти предали, но все ихъ междуособіе царь Иоаннъ Васильевичъ прекратилъ».

Многочисленныя обители, разбросанныя по глухимъ угламъ Сѣвернаго Края, по всѣмъ этимъ Нурмамъ, Обнорамъ, Комеламъ, Пельшмамъ, Глушицамъ, Коштамъ, Сойгамъ и инымъ, великимъ и малымъ, рѣкамъ и озерамъ, искони славились дивными своими подвижниками, всесвѣтлими свѣтильниками, всеблаженными и богомудрыми угодниками, благочестно подвизавшимися въ чучинѣ житейской, явившими грѣшному миру недосыгаемые образы смиренномудрія и равно-ангельского, благоуханного, неувидаемаго въ славѣ житія. Даже наимъ съ вами извѣстны имена Дмитрія Прилуцкаго, Корнилія Комельскаго, Павла Обнорскаго, Іоасафа Каменскаго, а наши предки, неизмѣримо ближе нась связанные съ кругомъ церковныхъ интересовъ, обладали въ этомъ отношеніи значительно большей освѣдомленностью. Жизнь рисовалась имъ тѣсной стреминой, исполненной всяческихъ злопlevельныхъ козней діавольскихъ. Важно было соблюсти свою душу отъ погибели, а какъ это сдѣлать—до этого не всякий могъ дойти самостоятельно. И древне-русскій человѣкъ всегда находился подъ угрозой смертельной опасности: живешь, живешь, а покончишь счеты съ бреннымъ земнымъ существованіемъ—и вдругъ ожидаетъ тебя суровый приговоръ небожителей, такъ прекрасно выраженный въ распѣваемой по Благовѣщенской волости „великопостной былинѣ“:

Этой-то душенъкѣ спасенъца не будетъ,
 Ей не будетъ, не будетъ, не бывати,
 Противъ Царскихъ-то вратъ не стояти,
 Ей Христова лица во глаза не видати,
 Колокольниова звону не слыхати,
 Ей горить-то въ огнѣ во горючемъ,
 Ей кипить во смолѣ во кипучей.

Вѣдь, и Аника-воинъ, могилку котораго намъ указуя
 жуть въ 8 верстахъ отъ Вологды, чуть-чуть въ сторонѣ
 отъ Кирилловскаго тракта, также вотъ грѣшиль и ба-
 хвалился, пока не предстала ему воочию „престрашна
 смерть-матушка“. Спохватился тогда, да ужъ поздно.

И безномощная душа жаждетъ опоры, ищетъ при-
 мѣра, подражаніе которому было бы вѣрнымъ средствомъ
 получить вожделѣнное пристанище въ ловѣ Авраамовомъ.

Тутъ-то и появляются на сцену житія святыхъ, угод-
 никовъ и праведниковъ, откуда можно почерпать готовы-
 е образцы добродѣтели и подвиговъ христіанскихъ.
 Житія эти были любимымъ душеспасительнымъ чтеніемъ
 нашихъ предковъ, и недаромъ ими такъ изобилуетъ
 старая русская письменность.

Предложеніе опредѣляется спросомъ. И вотъ въ
 одномъ только сборникѣ житій святыхъ, подвизавшихся
 въ Вологодской епархіи, вы находите 75 именъ угодни-
 ковъ, прославляемыхъ всею церковью и мѣстно-чтимыхъ.
 А въ него не вошли житія, еще по крайней мѣрѣ 8 свя-
 тыхъ, имена которыхъ можно встрѣтить въ древнихъ
 рукописныхъ святцахъ и на старинныхъ иконахъ. Нѣ-
 которыхъ изъ этихъ житій имѣютъ очень давнее проис-
 хожденіе; составители ихъ, словословия какого-либо под-
 вижника, нерѣдко прибѣгаютъ къ довольно подробнымъ
 описаніямъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ его жизни—
 кстати сказать, иногда исполненнымъ своеобразной кра-

соты: такъ, въ житії блаженнаго Прокопія Устюжскаго читаемъ—, нѣкоего года бысть зима паче иныхъ зимъ лютѣша, мразу нестерпимому стужающу, и вѣтру дыхающу бурну, спаде же тогда и снѣгъ превеликій, яко и храминамъ многимъ засыпаннымъ быти отъ него и мнози человѣцы и скоты не токмо въ путѣхъ, но и во градѣ и весѣхъ померзаху, и птицы мертвы на землю падаху, и нищіи терпяху бѣду велию стеняще и трясущеся, и множайши отъ нихъ изомроша”...

Бытовыя черты и фактический матеріалъ, разбросанный въ старыхъ житіяхъ, дѣлаютъ ихъ, очень цѣнными для историковъ; какъ сами святые являются отображенiemъ духовнаго состоянія народа, такъ и ихъ житія отражаютъ народную жизнь въ ея казовыхъ и не-приглядныхъ сторонахъ, ярко подчасъ проступающихъ сквозь превыспреннія, замысловатыя краски славословій и прославленій, на которыхъ столь щедры ревностные почитатели—святописцы.

Не гораздъ былъ грамотѣ русскій человѣкъ. Рань—спросите-ка старожила съ Верхволоды, какъ обходились въ старину съ дѣлами, требующими познаній по письменной части—онъ разскажетъ вамъ много поучительнаго. Вотъ „магазейный староста“ со своей неизмѣнной „вичкой“, на которой имъ дѣлаются нарѣзы, по количеству завезенныхъ мужичками четвертей или четвериковъ хлѣба—черезъ девять палочекъ десятый крестикъ. Такія же отмѣтки и въ „магазейной книгѣ“, и въ оброчныхъ книжкахъ, находящихся на рукахъ у крестьянъ. А вмѣсто подписи—три жирныхъ креста.

Вотъ „чернева“—отмѣтка, дѣлаемая ткачихой на кромкѣ основы, чтобы знать, сколько „стѣнь“ и „столбовъ“ она выткала. Вотъ „пятна“—знаки, вызывающие на дернѣ владѣльцами полосъ при мелкой черев-

полосицѣ. У одного „дуга“, у другого „скамейка“, у третьаго „птичья ножка“, у четвертаго „волокá“ — приспособленіе для перевозки сохи на подобіе буквы „А“. Всякій твердо знаетъ свое фамильное „ пятно“, и никто не сбьется, не спутается, какъ бы ни были разбросаны въ полѣ мелкія, одна въ другую, полоски.

А вотъ сложнѣйшая процедура разсчетовъ, изобрѣтеннная овчинниками, принимающими отъ крестьянъ шкурки для выдѣлки. Вамъ, постигшимъ всѣ тонкости современной бухгалтеріи, не мѣшаетъ обратить вниманіе на эту систему—прабабушку счетоводной премудрости. Пріѣзжаетъ такой овчинникъ въ деревню, оповѣщаетъ народъ и начинаетъ приемку овчинъ. Съ нимъ все та же „вичка“—ивовый пруть,—служашая одновременно нѣсколькоимъ цѣлямъ: ей и отъ собакъ отбиться удобно, и подпереться на скользкомъ мѣстѣ, она же положена и въ основаніе овчинной бухгалтеріи. Приносить мужикъ шесть шкурокъ; овчинникъ на каждой изъ нихъ, на одной изъ лапокъ пробиваетъ по шесть дырокъ. А затѣмъ, отрѣзавъ отъ вички „жеребекъ“ вершка въ полтора размѣромъ, счищаетъ кору съ одной его стороны и дѣлаетъ шесть нарѣзовъ; расколовъ жеребекъ пополамъ, такъ, чтобы на обѣихъ половинахъ сохранились слѣды отмѣтокъ, онъ одну половинку вручаетъ собственнику овчинъ, а другую привязываетъ къ шкуркамъ, которыя и идутъ въ совмѣстную съ чужими обработку. Когда же дѣло сдѣлано, клиентъ является снова и предъявляетъ выданную ему деревянную расписку. Овчинникъ разыскиваетъ шкурку съ соотвѣтствующимъ „корешкомъ квитанції“, складываетъ обѣ половинки, чтобы удостовѣриться, севпадаютъ ли значки—и вопросъ считается исчерпаннымъ.

Но одними жеребейками да пятнами крестьянинъ даже въ очень далекія отъ нась времена никакъ не

могъ ограничиться: ему приходилось вступать съ государствомъ, съ церковью, съ владѣльцами земли въ самыя разнообразныя отношенія, при которыхъ на него накладывались тѣ или иные обязательства. А это неизбѣжно вызывало появление на Божій свѣтъ всякаго рода письменныхъ документовъ: подати, имущественные и земельные отношенія, торговые сдѣлки — все это требовало документальныхъ подтверждений и закрѣплений. Такие документы и книги, дошедши до нашего времени въ довольно большомъ количествѣ, позволяютъ историку очеркти чёткій образъ хозяйственного быта старой Руси; писалъ когда то въ 16 вѣкѣ митрополитъ Дацій: „пожаловать есми изстаринаго своего крестьянина Дементія, Мелетія Нестерова сына Новикова, Филимонова снука... своими митрополичими деревнями въ Вологодскомъ уѣздѣ... деревнею Вондажскою, да деревнею Фотиньевскою, да деревнею Ларивоновскою, да деревнею Онциферовскою и съ селищи, и съ пустоши, и съ лѣсы, и съ луги, и съ пожнями, и съ озеры, и съ рѣками, и съ болоты и со всѣми угоды, что къ тѣмъ деревнямъ и селицамъ и къ пустошамъ изъ старины потягло”... А историкъ на основаніи этихъ писаній имѣть возможность вывести опредѣленные заключенія хотя бы о взаимныхъ отношеніяхъ между монастырями и крестьянствомъ въ области пользованія землею.

Богатый матеріаль для знакомства съ прошлымъ нашей земли доставляютъ записки и воспоминанія заѣзжавшихъ на Русь иностранцевъ. Къ намъ на сѣверъ они провѣдали дорогу давненько, то по торговымъ дѣламъ, то при какихъ-либо послѣствиахъ; англичане, напримѣръ, всегда очень интересовались сѣвернымъ ленкомъ, ради которого они не боялись ни дальнихъ путешествий, ни холодовъ и невзгодъ полудикой Бѣлой Сар-

матіи, какъ у нихъ назывался теперешній сѣверъ Россіи. Не мало иностранцевъ и навсегда застревало въ нашихъ краяхъ. Многимъ изъ васъ, вѣроятно, известенъ домикъ Петра Великаго на берегу рѣки Вологды, подлѣ церкви Феодора Стратилата; а вѣдь это мѣсто когда-то принадлежало „Голландской земли“ торговому иноземцу Ивану Алферьеву сыну Гоутману, гдѣ стояли у него и хоромы, и погреба, и кладовые амбары, и даже пивоварня.

И въ запискахъ того же Джилия Флетчера, путешествовавшаго по Россіи въ самомъ концѣ 16 столѣтія, вы найдете указанія на солеваренный промыселъ въ Тотымѣ, на добываніе желѣза въ Устюгѣ, а иной разъ наткнетесь на цѣлую картину, рисующую горькій удѣль старинныхъ обитателей сѣвера: „...по дорогѣ къ Москвѣ, между Вологдой и Ярославлемъ... встрѣчается, по крайней мѣрѣ, до 50 деревень... совершенно оставленныхъ, такъ что въ нихъ нѣть ни одного жителя“...

Помимо лѣтописей, житій святыхъ, старинныхъ документовъ, записокъ иностранцевъ, исторической наукѣ великую служать службу разнаго рода старыя книги, письма, воспоминанія и др. источники. Ихъ еще много сохранилось до сихъ поръ, но бѣда наша въ томъ, что мы, не понимая всей ихъ важности, расточаемъ ихъ безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти.

Припомните нашихъ общихъ старыхъ друзей—деревенскихъ ребятишекъ. Любимое ихъ лѣтнее удовольствіе—пускать змѣй, со всякими затѣями и выкрутасами, съ трещетками и длиннымъ мочальнымъ хвостомъ. Бумаги вѣтъ—не бѣда: тамъ, за божницей, завалились отъ дѣдовскихъ временъ какія-то синія бумаженки, писанные по-старинному, гусинымъ перомъ, съ великимъ изобиліемъ завитушекъ и росчерковъ. Кому онѣ нужны! Таски ихъ сюда: для змѣя—самое подходящее дѣло!

Дрова сырья, печка не топится, пироговъ не на чёмъ испечь—старая бабка не тужить: знать она, что въ чуланѣ, либо на вышкѣ всегда можно найти старинной печати книгу, запасливо припрятанную хозяйственной рукой для всякихъ домашнихъ оказій. Толку отъ нея все равно нѣтъ, а пшеничный пирогъ съ треской или „губиной“ въ золѣ марать вовсе не годится.

Ѣдимъ мы бабкину стряпню, Ѣдимъ—похваливаемъ. И никто изъ насъ ни разу не задумается, какой цѣнной покупается она, никто и въ мысляхъ не поимѣеть, что въ жертву нашему чревоугодію приносятся, быть можетъ, драгоценнѣйшие исторические документы.

Вторая группа источниковъ—вещественные. Ими тоже богатъ нашъ сѣверъ.

Гналь пастухъ изъ деревни Сорочинской, Вожегодской волости, стадо на водопой; разыгрались дорогой молодыя коровенки. Одна, порѣзанная, забѣжала на пенникъ и давай взрывать землю рогами. Зазвенѣло что-то: пастухъ подскочилъ, глядь—кубышка разбитая валяется. А вокругъ все деньги, все серебрушки, да чудныя все какія-то, съ разводами: видно, писано что-то, да не по-нашему

Не мало такихъ кладовъ найдено, а еще больше разговоровъ про нихъ между народомъ ведется. Въ рѣдкой волости вамъ не расскажутъ о кладѣ, зарытомъ то разбойниками, то „панами“, гулявшими по сѣверу триста лѣтъ тому назадъ, а то и простымъ человѣкомъ, спасшимся отъ пановъ либо разбойниковъ. Кое-кто изъ стариковъ хранитъ, какъ зеницу ока, перешедшее по наслѣдству сокровище—„роспись“, особую бумагу, въ которой явственно разписано, гдѣ этотъ самый кладъ за рыть, и какой на него зарокъ положенъ, и какъ къ нему сподручнѣе приступиться. И ходятъ по этимъ росписямъ, роютъ, иногда цѣлые состоянія просаживаютъ.

Историки интересуются кладами ничуть не меньше, чѣмъ счастливые обладатели росписей: вѣдь, почти всякий такой кладъ проливаетъ новую полосу свѣта на прошлое страны, давая иногда возможность получать совершенно неожиданные выводы о культурномъ уровнѣ жителей данной мѣстности въ ту или иную эпоху, о торговыхъ ихъ связяхъ, о состояніи промышленности и многомъ иномъ, не менѣе интересномъ для ученаго изслѣдователя.

Въ Палемской волости Велико-Устюгскаго уѣзда весьма распространена фамилія Агафоновыхъ. О коринѣ ихъ рода существуетъ разсказъ, когда-то будто бы переданный „лѣтописью“, теперь безвозвратно погибшей: верстахъ въ 35 отъ Устюга, по правому берегу рѣки Лузы, расположено село Городокъ, одно изъ самыхъ древнихъ въ этой мѣстности поселеній. Близъ него, на самомъ берегу, неподалеку отъ озера, выступаетъ высокій мысъ, обрѣзанный съ двухъ сторонъ оврагами, а съ третьей—глубокимъ рвомъ. Въ этомъ городищѣ, по преданію, нѣкогда находилась церковь во имя Николая Чудотворца, а само оно было сильно укрѣплено бревенчатыми срубами. Въ одинъ прекрасный день къ городищу на лодкахъ подѣхала шайка разбойниковъ, имѣвшая намѣреніе ограбить церковь. Ожидая сопротивленія, разбойники не спѣшили: разложили себѣ на бережку передъ стѣнами костеръ, сварили кашу и сѣли обѣдать. Вдругъ они видѣть: на крышахъ храма самъ Николай Угодникъ, въ священническихъ ризахъ, благословляетъ защитниковъ отстаивать церковь до конца. „Не торопись, закричали разбойники, дай поѣсти, и тогда будешь въ нашихъ рукахъ“. И тутъ же мгновенно всѣ разомъ ослѣпли. Страхъ на нихъ напаль несказанный; замолились они къ Николаю Угоднику, прося о пощадѣ.

и онъ, великий милостивецъ, снизошелъ къ нимъ, появившимся во грѣхахъ, и вернулъ имъ утраченное зрѣніе. Несколько человѣкъ изъ шайки рѣшили остаться въ Городкѣ навѣчно; трое оставшихся носили фамилію Агафоновыхъ—отъ нихъ-то и распространилась фамилія эта по всей Палемской волости.

На высокомъ берегу рѣки Стрѣлицы, съ капризными изломами и поросшими ивнякомъ омутами, близъ церкви Спаса-Преображенія, можно разыскать полурастоптанный, зеленѣющій мицкими кочками косогоръ, на которомъ мирно пасутся шершавыя деревенскія буренки и пеструхи. Это—«убожина», «убогій домъ», мѣсто послѣдняго упокоенія самоубійцъ и опившихся—«кон завѣяющіе или запитущіе». Раньше росъ тамъ среди могилокъ соснячекъ, и старые люди прекрасно помнятъ, какъ по ночамъ межъ деревьевъ «попугивало», «свѣчи ходили»—блуждали болотные огни.

Остатки древнихъ поселеній и укрѣпленныхъ мѣсть, городища, могильники, курганы—игралища разнообразнѣйшихъ сверхъестественныхъ силъ—вокругъ которыхъ клубомъ свиваются поэтическія преданія и легенды, чрезвычайно обогащающіе историка, доставляя ему матеріаль, полный высокаго научнаго интереса. А вѣдь пожаловаться на недостатокъ такихъ памятниковъ мы, сѣверяне, никоимъ образомъ не можемъ: стоитъ припомнить многочисленные «городки» по Двинѣ и ея притокамъ, таинственные «чудь-гу» («чудскія могилы») въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, красавицу—Кокшеньгу, съ ся крѣпостцами, валами и насыпями.

Не можемъ мы пожаловаться на недостатокъ и иного рода вещественныхъ памятниковъ старины—сооруженій церковныхъ. Они—неизбѣжная принадлежность древнерусскаго сѣвернаго пейзажа. Не напрасно молвилось

старое присловье, что «отъ Вологды до Колы семьдатъ двѣ Николы». И недаромъ вы, вчитываясь въ страницы писцовыхъ книгъ, безстрастно живописующихъ состояніе тогдашнихъ населенныхъ мѣсть, то и дѣло натыкаетесь на такія, примѣрно, строки:

„Въ Устюжскомъ уѣздѣ волость Утмановская, а въ ней погость на рѣкѣ на Югу, а на погостѣ церковь Николы Чудотворца древяна, шатровая; въ церкви царскія двери, столпцы и сенья писаны на краскахъ; надъ царскими дверьми въ тяблѣхъ дѣисусъ на тринадцати дскахъ на празеленѣ да въ тяблѣхъ же пророки и праотцы да вверху Спасъ со ангелы писаны на краскахъ; образъ Николы Чудотворца обложенъ сребромъ, басмою; вѣнецъ да шестнадцать гривенъ большихъ и малыхъ сребряные подъ золотомъ да три креста да пристежь жемчужная маленькая”...

«Въ той же волости Сосновецъ городъ, старая осыни на рѣчкѣ на Енталѣ, а въ немъ церковь соборъ Архистратига Михаила древяна холодная»...

Эти сѣренъкія деревянныя церковки, рубленыя по стариинному изъ кондовой, въ три обхвата, сосны, являются предметомъ самого почтительнаго вниманія со стороны ученыхъ и художниковъ. И по заслугамъ: есть въ нихъ невыразимая какая-то прелестъ, большая и трогательная красота. Сквозь внѣшнюю нескладность и упрощеніость архитектурныхъ линій явственно проступаетъ душа строителя—коренного природнаго сѣверянина, посильно пытавшагося передать въ своеемъ созданіи волнующія его чувства и думы. И такая постройка иной разъ раскрываетъ передъ наблюдателемъ міросозерцаніе древне-русскаго человѣка, его представленія о Богѣ и природѣ ничуть не менѣе отчетливо, чѣмъ многія страницы специальныхъ трудовъ и изслѣдований.

А старыя помѣщичьи усадьбы! Развѣ онѣ не обла-
даютъ способностью рассказывать на своемъ языкѣ тому,
кто интересуется прошлымъ, краснорѣчивыя, яркія по-
вѣсти!

Верстакъ въ двадцати отъ Вологды, по Янгосор-
скому тракту, расположено Погорѣлое—родовое имѣніе
одной изъ извѣстныхъ въ губерніи дворянскихъ фам-
илій. Со всѣхъ сторонъ за нѣсколько верстъ видно
его, съ притулившіейся каменной церковью и многодо-
сятичнымъ липовымъ паркомъ. Тамъ теперь только
грачи гомозятся да лягушки жалобно квакаютъ лѣт-
ними ночами. Оголились раскидистыя вершины деревъ,
заросла травой глубокая сажалка, подгнили бесѣдки и
скамеечки. Дорожки и просѣки, когда-то старательно ра-
счищавшіяся и посыпавшіяся песочкомъ, нынѣ обильно
заросли кустарникомъ и мохомъ Крапива, лопухъ, полынь,
чертополохъ,—словомъ, всякая сорная трава, одинъ видъ
которой оскорбителенъ для ревниваго садовничьяго гла-
за, невозбранно и безраздѣльно хозяйничаетъ на клум-
бахъ и куртинахъ, предавая забвенію дни, когда съ
нею такъ незаслуженно-сурово боролись.

Господскій домъ, съ колоннами и мезониномъ, стро-
гой, безупречной архитектуры начала прошлаго столѣ-
тія, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ запущенной
красотой стараго парка. Фундаментъ мѣстами осѣлъ,
одно крыло провалилось, штукатурка облѣзла. Рамы зіяютъ
чернотой, а тѣ немногія стекла, до которыхъ еще не
добрался мѣткій камешекъ мимохожаго школьнника, от-
ливаютъ всѣми цвѣтами радуги и еле пропускаютъ ту-
скія полосы свѣта.

Внутри дома пустынно и жутко; лѣпные потолки по-
чернѣли отъ плѣсени и дождевой воды; фигурный пар-
кетъ покоробился. Мебель частью поломана, частью ра-

сташена. Одиночно стоять среди зала какія-нибудь точеныя кресла, съ рѣзьбой и сафьянной обивкой; заставленный шифоньеръ съ выкладками изъ краснаго дерева, пузатое бюро, дубовые столы—цѣлый музей старинной барской мебели, колченогой, облупившейся, искалѣченной.

Малѣйшій шорохъ гудко отдается въ огромныхъ паддныхъ комнатахъ, гдѣ гремѣли когда-то полонезы и мазурки, гдѣ блестали изысканные туалеты, гдѣ смеялись и плакали, объяснялись въ любви и веселились со всѣмъ простосердечiemъ и искренностью невинныхъ душъ. Просторное «антрѣ», «открытый буфетъ» въ столовой, антресоли, спальные покои, безчисленные комнаты и комнатушки, чуланчики и сѣнцы—принадлежность широко-размахнувшейся, разливанной, хлѣбосольной помѣщичьей русской жизни. Во флигелѣ библиотека; сквозь паутину стеклянныхъ дверецъ кокетливо выглядываютъ изящные переплеты французскихъ классиковъ—тутъ и Мольеръ, и Шатобрианъ, и великие философы-вольнодумцы. Русскихъ книгъ мало: все больше журналы да альманахи дней александровыхъ; неожиданно высовывается томикъ ранняго изданія Тургенева, одинокая книжка «Современника», но имъ словно не по себѣ въ этой блестящей компаніи—они и сѣрѣ, и скромнѣе, да больше и пыли на нихъ.

Какъ ии богаты историческимъ материаломъ старинныя барскія усадьбы, однако иная крестьянская изба совершенно свободно можетъ съ ними въ этомъ отношеніи конкурировать.

Если вамъ случалось проходить долиной рѣки Лежи, вы, вѣроятно, не откажетесь признать, что въ обличье этой округи есть что-то загадочное. Благодаря чему создается такое впечатлѣніе—трудно опредѣлить. Раньше

тамъ, въ неприступныхъ лѣсныхъ заросляхъ, укрывались цѣлые толпы «странниковъ-бѣгуновъ», бродили, учительствуя и прорицая, «адаманты древляго благочестія», складывались и утверждались оригиналѣйшиє міровоззрѣнія и характеры. И совсѣмъ еще недавно на одной изъ мельницъ, въ «голбѣ», въ подпольѣ, спасался прославленный старецъ Логгинъ. Деннио и иощно стоять онъ на молитвѣ со свѣтлой, убѣгая грѣха и соблазна; вылѣзть иной разъ на люди, потолкнуть маленько съ народомъ, да и руками всплеснетъ: «ой, говоритъ, моленъ-то я что лаконилъ!»... И опять въ голбѣ, опять за кресты и молитвы.

Есть въ этой сторонѣ одинъ раскольничій начетчикъ, слава которого немолчно гремить по всѣмъ прилегающимъ волостямъ. Въ писаніи онъ начитанъ и свѣдущъ, на богоугодныя дѣла подвиженъ; разговоромъ находчивъ и остерь: горемычнымъ приходскимъ попамъ не разъ отъ него доставалось на орѣхи. Мудрено ли, что Господь взыскалъ его своею милостію; крестьянствую въ потѣ лица своего, а подъ рукой поторговывая иконками, крестиками, богослужебными книгами, четками, зелеными фатами,—онъ сколотилъ себѣ небольшое состояніе и зажилъ не хуже людей.

Домъ у него ведется по старинѣ: какъ былъ при дѣдахъ да при прадѣдахъ установленъ крестьянскій обиходъ, такъ держится онъ и доселѣ, безъ отклоненій, нерушимо. Переступишь порогъ этого старого раскольничьяго гнѣзда,—и сразу точно въ особый какой-то міръ попадаешь, міръ былого, отошедшаго невозвратно. Даже запахъ въ горницахъ, и тотъ словно не иныший: тутъ и кожа, и мята, и свѣжія яблоки, и парной сотовый медъ, и кипарисовое дерево, и росный ладанъ, и огуречная трава, и еще что-то, чemu нѣть имени, но что прямо крикомъ—кричать о старомъ-престаромъ „жиль“.

Въ концѣ коридорчика хитро заставленный разнаго рода скарбомъ проходъ въ молельню. Толстыя деревянныя дорожки скрадываютъ звукъ шаговъ; дверь беззвучно подается при легкомъ нажимѣ. Въ комнатѣ полутьма; лампадка свѣтить передъ киотомъ. Прямо отъ входа— древняго письма Деисусъ, по другимъ стѣнамъ двѣнадцать апостоловъ, въ углу Илья Пророкъ—фамильная драгоцѣнность, на которую тщетно заряется забѣжие любители старины. Столикъ—налой, покрытый чистымъ полотенцемъ; на окнахъ бутыли съ масломъ, свѣчи, лѣстовки, мѣдные складни, раскрытый, съ шелковой закладкой, требникъ. |

Гордость хозяина—книгохранилище; къ нему допускаются лишь немногіе избранныки. Изъ поколѣнія въ поколѣніе, обогащаясь и расширяясь, передавалось оно, какъ зеница ока оберегаемое отъ гибельныхъ случайностей. Глаза разбѣгаются при видѣ этого огромнаго, до потолка, шкафа, биткомъ набитаго разныхъ форматовъ книгами и рукописями. Чего-чего здѣсь только неѣтъ! Минеи, Тріоди, Прологи, Кормчая, Кириллова, Маргеритъ, посланія аѳонскихъ старцевъ, тетради съ нотами крюкового письма... По большей части, это— огромные фоліанты, въ кожаныхъ съ мѣдными застежками переплетахъ: любилъ большія поля старинный книгочій. И, очевидно, въ угоду его изнѣженному вкусу, на самомъ видномъ мѣстѣ красуется подлинное диво, на манеръ Царь-Колокола или Царь-Шушки: толковый псалтирь вѣсомъ въ тридцать девять фунтовъ...

Да, въ сущности, на любомъ крестьянскомъ дворѣ, коли порыться да покопаться, немало найдется всякой „досельщины“: одежда, украшения, посуда, утварь, инструменты, орудія, нынѣ уже вышедшия изъ употребленія... Все это такъ, зря, валяется, мозолить глаза,

иортится, пропадаетъ. И все это, конечно, могло бы въ другихъ условіяхъ оказать исторической наукѣ неодѣнныя услуги. Какія яркія картины старого быта, во всѣхъ его подробностяхъ, могли бы быть возсозданы на основаніи этихъ источниковъ! Сколько неясностей въ нашемъ знаніи о минувшемъ могло бы быть, благодаря имъ, устранено!

Кончая говорить о вещественныхъ источникахъ исторического знанія, я вынужденъ повторить то, что мною уже было однажды сказано: варварски мы относимся къ нашему прошлому!

За примѣрами ходить не далеко. Въ селѣ Кубенскомъ есть старинная церковь; знатоки утверждаютъ, что она представляетъ большую цѣнность въ архитектурномъ отношеніи. Но кубенскимъ патріотамъ она—бѣльмо на глазу. Помилуйте! Устьяна вона какую машину вывели: черезъ все озеро видно; новляна—епе чище! А мы, кубяна, ровно въ полѣ обсѣвки: вовсе у насъ противъ людей никудынная храмина...

И совсѣмъ ужъ было принялись не въ мѣру радивые строители за старую колокольню—«поднять» ее аршинчика на два было имъ желательно,—да, спасибо, вмѣшилась въ это дѣло ученая какая-то комиссія...

Намъ остается познакомиться съ третьей группой—устныхъ источниковъ.

Мы съ вами—обитатели деревенской глупи,—наблюдая народную жизнь, охотно сравниваемъ ее съ неподвижнымъ, застоявшимся болотомъ, которое, куда ни глянь, прямо за „отводами“, залегло вокругъ любой сѣверной деревушки. Правда, сходство это только кажущееся: застоя, неподвижности жизнь народа не знаетъ;

въ ея глубинахъ идеть непрерывная ломка, вѣчнамъ смына однѣхъ формъ другими, разрушительная и созида-тельная одновременно работа.

Но въ этой работе дѣйственное начало всегда сталкивается,—независимо отъ того, направлено ли оно въ сторону разрушенія или соизданія,—съ огромной, безличной задерживающей силой—силой традиціи, обычая.

«Обычай—деспотъ межъ людей». Велика его власть надъ человѣкомъ: передъ его величіями часто бѣзмолвно отступаетъ всякая другая сила. Тѣснымъ кольцомъ, со всѣхъ сторонъ, охватываетъ онъ человѣческое существованіе, существуетъ человѣку, руководить имъ на всемъ протяженіи его жизни. У колыбели онъ бормочетъ беззубыми устами дряхлой бабки—повитухи: «ножки—ходушки, ручки—хватушки, ротокъ—говорокъ»... Передъ могилой напоминаетъ, что хоронить покойника въ досчатомъ гробу грѣшно: тамъ гвозди, а вѣдь ими Спаситель былъ ко кресту пригвожденъ. Другое дѣло—долбленая колода (Раменская вол.)...

Мягко выявливаетъ колоколь въ Спасо-Сумориномъ монастырѣ. На зовы его тянутся по шоссе вереницы богомольцевъ. Съ трудомъ бредеть, тяжело переступая ногами, согбенная, черная старица; ребятишки—школьники шумной ватагой, съ визгомъ и гвалтомъ, проносятся мимо нея; всѣхъ подавляя своимъ величиемъ, трусятъ на раскормленномъ меринѣ восьмишудовое его степенство.

Въ храмѣ полно народу. Торжественно возглашаютъ священнослужители, стройно вторить имъ хоръ, усердствуютъ молящіеся, творя положенные кресты и молитвы.

А тамъ, поодаль, у самой раки Тотемскаго святителя. въ полумракѣ, чуть разсѣянномъ мерцаніемъ надгроб-

ныхъ замашь, виднѣется рѣзко отличная отъ всѣхъ окружавшихъ группа молящихся.

Сразу видно, что пришли они издалека. Увѣсистыя котомки на усталыхъ плечахъ; зашыленная, худая одежда; ноги въ легкихъ берестяныхъ лапоткахъ или веревочныхъ „поптаникахъ“. Въ рукахъ страннички посохито изъ причудливо скрученного можжевелового корня, то въ видѣ „пѣши“, возглавленной четвероконечнымъ крестомъ. Груди крестъ-на-кресть препоясаны тяжелыми желѣзами веригъ; на головахъ „шапочки“—желѣзные обручи съ двумя перекрещенными дужками.

Въ позахъ страстное, ожидающее напряженіе; глаза невидящими взоромъ устремлены куда-то ввысь; беззвучно шепчутъ молитвы запекшіяся, блѣдныя губы...

И вѣрно: это—далніе. Каргополы, устюжане, кокшары, вельскіе, черевковскіе, никольчане; съ разныхъ концовъ сѣверной окраины сошлись они, покорствуя старинному обычаю—болящимъ искать облегченія у Феодосія, возлагая на себя цѣльбоносные его вериги и „шапочки“. Эти реликвіи, наравнѣ съ металлическими подвѣсками у Ноя Праведнаго, до сихъ поръ занимаютъ почетное мѣсто въ созданной обычаемъ сѣверной народной медицинѣ...

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за садика зеленаго,
Тутъ летить стадо гусиное,
А другое лебединое,
Отставала же лебедушка
Отъ стада отъ лебедиаго;
Приставала же лебедушка
Ко стаду къ сѣро-гусиному.
Начали же гуси ѹпнati,
А лебедушка-то крѣчати:

„Не щиплите, гуси сѣрые,
 „Не сама я къ вамъ залѣтѣла,
 „Занесло меня погодою,
 „Погодѣю—вѣтрамъ буйными“... (с. Заднее).

Рѣкой разливается—плачеть бѣлая лебедушка, а на фонѣ ея причитаний и „обидъ“ неспѣшной чредой разыгрываются свадебные обряды. Обычай сохранилъ старинную свадьбу до нашихъ дней почти въ неприкосновенности. Это — многосложное, временами глубоко трогательное, временами забавное дѣйство, требующее для своего совершенного выполнения специальныхъ на- выковъ и опыта. Недаромъ свѣдущей дружка—этотъ свадебного дѣла инструкторъ—пользуется въ нашихъ мѣстахъ немалымъ почетомъ. Легко только сказать: „сыграй свадьбу“; а вотъ поди-ка—услѣди за всѣмъ, сообрази да обмозгуй. Одного народу сколько: тутъ и кормилица-батюшка, и доброхотница-матушка, и братцы-соколики, и сестрицы любезныя, и милая божатушка, и подружки-голубушки: надо всѣхъ разсадить,—по родству, безъ обиды, улестить да уважить. Да это еще «полдѣла»: а вонъ тамъ, на полатяхъ да за печкой, размѣстились мрачныя фигуры неудачливыхъ соперниковъ жениха и ихъ пріятелей—сты этими шутки плохі. Хочешь-не хочешь, а имъ первая чарка, да еще не какъ-нибудь, а съ поклонами, съ почтительнѣйшимъ, ласковымъ титуломъ: «господа запѣчана и полѣтина»...

Только-только здѣсь наладилось все какъ слѣдуетъ, а въ сѣняхъ гдѣ-то снова шумъ поднялся: подстерегли неосторожного свата красная дѣвица, окружили бѣднаго,—и давай ругательски его ругать:

Ты пошто ходилъ-усватывалъ,
 Да чужу сторону нахваливалъ?
 Не тебѣ бы, свату, сватати,

Да на печь бы въ углу сидѣти,
 Да рѣшетомъ бы сажу мѣряти.
 Налетите, черны вороны,
 Нанесите жељзны бороны,
 Расчепите свату бороду... (д. Мынчаково).

Обычай—вырванная изъ книги о прошломъ страница. Нужно ли доказывать, какую цѣнность представляетъ она, какъ источникъ исторического знанія!

Случалось ли вамъ когда-нибудь въ началѣ зимы, примѣрно около Кузьмы-Демьяна, предразсвѣтной порой, подходить къ деревнѣ? Тихо въ лѣсу, тихо на посокотинѣ... А отъ овиновъ и бани, отъ „каузовъ“—трепалень издалека слышны звонкіе женскіе голоса: ленъ бабы треплють.

Такъ странно звучитъ дѣвичій смѣхъ въ печальномъ бываловіи єїверной ночи. Душа, настроенная значительно и строго, полна какихъ-то смутныхъ, неосознанныхъ предчувствій; она словно ждетъ чего-то въ этотъ блѣдный предутренній часъ.

И какъ бы въ отвѣтъ, откуда-то изъ глубинъ къ землѣ осѣдающаго, влажнаго тумана доносится жалобный, трепещущій звукъ. Еще и еще—и понеслась черезъ перѣгороди, черезъ пустынныя лѣсныя кулиги задрывающая, тоскующая мелодія:

Жавороночекъ на межѣ сидѣль,
 Жалобу чинилъ на крестьянина,
 На богатова, на оратова:
 «Разораль крестьянинъ мою меженъку,
 «Разориль крестьянинъ тепло гнѣздышко,
 «Раскидалъ крестьянинъ малыхъ дѣтоnekъ,
 «По сырой землѣ, по разсыпчатой,
 «По крапивушкѣ, по жигучею,
 «По шипичничку, по колючему»...

Историкъ не можетъ равнодушно пройти мимо произведеній народной поэзіи. Не говоря уже о томъ, что они обычно густо насыщены слѣдами старого быта, столь любезного сердцу историка,—въ нихъ очень законченно и полно выявляется самый духъ народа. А не понимая его, нельзя понять и многаго въ прошлой жизни народа, въ его исторіи.

Разсказы мѣстныхъ старожиловъ также представляютъ вѣкоторый интересъ съ точки зренія исторической науки; правда, данные, получаемыя на основаніи этого источника, нуждаются въ особенно тщательной проверкѣ, но за всѣмъ тѣмъ совершенно отрицательно къ нему относиться было бы непростительной ошибкой. Очень часто, особенно у насъ, при слабомъ развитіи печати, тогъ или иной фактъ, самъ по себѣ значительный и важный, остается нигдѣ, кромѣ народной памяти, не отмѣченнымъ; устный разсказъ—единственная возможность познакомиться съ нимъ.

Въ с. Усть-Куломъ, Устьсыольского у., среди мѣстнаго населенія держится преданіе о томъ, что при вступленіи на престолъ Николая I, въ Усть-Куломъ явился какой то человѣкъ, убѣждавшій крестьянъ не присягать Николаю. Подъ его вліяніемъ крестьяне отказались отъ присяги. Властями произведено было дознаніе.—непокорные зачинщиковъ не выдали, говоря, что всѣ они дѣйствуютъ заодно. На вопросъ же, откуда имъ вѣдомо, что не Николаю надобно присягать, а Константину, они не отвѣчали ничего. Въ связи съ этимъ, будто бы, произведена была кровавая расправа.

Не знаю, проникли ли въ свое время въ печать, или, по крайней мѣрѣ, сохранились ли въ нѣдрахъ полицейскихъ архивовъ хоть какія-нибудь свѣдѣнія объ этомъ событіи. А что оно представляетъ исторический

интересъ, этого вы не станете отрицать. И если бы кто-нибудь своевременно озабочился разузнать объ этомъ дѣлѣ поподробнѣе, поразспросить стариковъ,—быть можетъ, его участниковъ,—свѣрить и записать бы ихъ рассказы,—у насъ подъ руками быль бы весьма цѣнныи и вполнѣ достовѣрныи историческій фактъ. Было ли это чѣмъ-либо сдѣлано?

Мне хотѣлось бы указать вамъ еще на одинъ источникъ историческаго знанія—народный языкъ. Вы знаете, что онъ не представляетъ собой чего либо неподвижнаго; напротивъ, онъ непрерывно измѣняется, развивается, обогащается новыми формами. Каждый изъ васъ можетъ насчитать не одинъ десятокъ совсѣмъ новыхъ, совсѣмъ недавно вошедшихъ въ употребленіе словъ и выражений. Можетъ быть, кое-кто даже самъ пускаль въ оборотъ показавшееся ему удачнымъ словечко, можетъ быть, оно даже, что называется, „пришло“ и пошло гулять по бѣлу-свѣту, заслуживъ всеобщее признаніе и утративъ всѣ слѣды своего первоначальнаго происхожденія.

Слова живучи: разъ зародившись, они, если только они „въ духѣ языка“,—держатся долго и упорно. Иногда успѣваетъ исчезнуть даже самое явленіе, которымъ то или иное слово было порождено, а оно, это слово, все живеть да живеть, переходя на предметъ, въ какомъ-либо отношеніи близкій первоначальному. Новгородская земля въ старые годы знала земельную мѣру—„выть“. Теперь такой мѣры не существуетъ, но самое слово осталось. Въ Васьиновщинѣ (Кадник. у.) „вытью“ называется вообще доля, участокъ земли („пovытокъ“ тоже), а въ Сольвычегодскомъ у. имя это принадлежитъ уже загороди, окружающей земельный участокъ. Какъ видите, чѣмъ дальше отъ Новгорода, тѣмъ большая разница въ смыслѣ.

Языкъ съверянина въ особенности богатъ старинными словами и оборотами. „Имѣшь“ (станешь), „обильѣ“ (урожай), „уповодъ“ (часть рабочаго дня), „г҃оны“ (земельная мѣра),—эти полузабытыя словечки изъ словаря нынѣшнихъ старииковъ и старушекъ,—нѣкогда пользовались широкимъ распространенiemъ. А устьянскій краснобай, набивъ полны карманы ядреної молоденькой рѣпой, и донынѣ еще совсѣмъ по-прадѣдовски похвается передъ товарищами: «гляньте, рѣпы-то у меня! Ёси да ёси, да дѣвкамъ даси, да на гриненникъ пропадиси, да опять ёси...»

Народный языкъ—вѣрный союзникъ историка; благодаря его услугамъ нерѣдко достигается возможность твердо установить то или иное историческое положеніе, до сихъ поръ не поддававшееся уясненію. Такъ, въ началѣ настоящей лекціи, я уже имѣлъ случай вскользь указать на имена собственныя: въ смыслѣ «вещей обличенія невидимыхъ» они иногда представляютъ большую цѣнность, сохранивъ себѣ напоминаніе о явленіяхъ давно исчезнувшихъ. Развѣ, напримѣръ, название церкви въ одной изъ деревушекъ Вологодскаго уѣзда—«Воскресенская Подкубенская», что у государя на сѣняхъ—не наводитъ нась съ вами на совершенно опредѣленныя догадки?

....По рѣкѣ Лостѣ, на границѣ Вологодскаго и Грязовецкаго уѣздовъ, расположена небольшая деревенька Михалево. Была у тамошнихъ крестьянъ пустошь,—Тымово называлась. Пришли два мужика, нѣвѣдомо съ которой стороны; поставили міру четверть водки—пустошь эта отошла въ полное ихъ владѣніе. Выросла новая деревня. И имя за ней осталось прежнее, по пустоши: Тимово. Удареніе только измѣнилось.

Когда-то, въ незапамятныя времена, на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ уединенный монастырь—еще и теперь видны полузасыпанныя, заросшія пешица. Да народная память сохранила о немъ воспоминаніе въ названіи—„Монастырскій Лугъ“.

Каждый годъ по этому лугу проходитъ мужицкая коса; каждый годъ на одно и то же смотрять и никакъ не надивятся косари: тамъ, гдѣ слабые остатки прежняго рва заставляютъ предполагать существованіе монастырской ограды—выростаетъ трава чуть не по поясъ, не въ примѣръ сочнѣе и свѣжѣе окружающей. Такъ въ глаза и бросается этотъ яркій изумрудный островокъ.

Старые люди видяты здѣсь благословеніе Божіе; естествоиспытатель найдетъ объясненіе въ дѣйствіи непреложныхъ законовъ природы. Мы съ вами, пытающіеся подойти къ вещамъ съ историческимъ настроениемъ, можемъ взглянуть совсѣмъ по-иному. Для насъ эта буйная растительность явится живымъ символомъ связи настоящаго съ прошлымъ, дня нынѣшняго съ тѣмъ, что ушло и уже никогда не вернется.

Люди живутъ и умираютъ, страдаютъ и трудятся.. Поколѣнія смѣняются поколѣніями, создаются новыя культурныя формы, новые интересы, новыя стремленія. Но прошлое,—казалось бы, навсегда изжитое,—не исчезаетъ безслѣдно. Оно питаетъ своими соками свѣжие молодые побѣги, даетъ имъ силу и крѣпость и красоту.

Сознаніе этой связи должно пріобрѣсти въ нашихъ глазахъ большой, радостный смыслъ. Мы должны понять, что право наше на жизнь выстрадано за насъ предыдущими поколѣніями, что каждое, даже самое незначительное наше благополучіе построено на костяхъ тѣхъ, кто страдалъ и боролся до насъ.

А если это такъ, то и наше съ вами существование не должно и не можетъ оставаться безплоднымъ, неоправданнымъ. Человѣкъ имѣеть высокое назначение—осуществлять на землѣ дѣло любви и правды. И чѣмъ полнѣе проникнется онъ вѣрой въ это назначение, вѣрой въ то, что жизнь не „пустая и глупая шутка“, а трудный, большого мужества требующій подвигъ, тѣмъ смиренѣе пойдетъ онъ навстрѣчу суровой борьбѣ, тѣмъ легче способенъ онъ вынести всю горечь, всю тоску, всю муку, неизбѣжную на пути къ осуществленію великихъ общечеловѣческихъ идеаловъ.

Высшую силу въ себѣ сознавая,
Что тосковать о ребяческихъ ~~нахъ~~!
Жизнь только подвигъ,—и правда живая
Свѣгитъ безсмертіемъ въ истлѣвшихъ гробахъ.

Наука, знаніе—и есть та могущественная сила, которая поможетъ намъ раскрыть для себя эту живую, безсмертіемъ свѣщающуюся правду.

162

161

160
161
162